

Чеснокова Леся Владимировна

КОНЦЕПТ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО СТРАХА (ANGST) В НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается метафизический страх (Angst) в качестве одного из важнейших эмоциональных концептов в концептосфере немецкой культуры. Особое внимание уделяется этимологии этого концепта и его интерпретации в экзистенциальной философии. Приводится характерное для немецкой философии разделение между метафизическим страхом (Angst) как неопределенной, ничем не мотивированной эмоцией, и реальным страхом (Furcht), причиной которого служит определенная ситуация угрозы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 206-210. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

BASIC CONCEPTIONS OF CIVIL SOCIETY: METHODOLOGICAL ASPECT

Liliya Nikolaevna Chernousova, Ph. D. in Philosophy
Department of Pedagogy and Correctional Work
Khakass Institute of Education Development and Retraining
lilyachernousova@mail.ru

The author reveals conceptual approach to the study of the notion "civil society", shows the necessity to consider state position in relation to spiritual power: state can be controlled by spiritual power, can control spiritual power or can be in harmony with spiritual power; mentions that in each case state has its own specific features, which form a certain type of civil society, and substantiates the meaning of the notion "civil society" in terms of major methodological traditions.

Key words and phrases: civil society; neo-nominalist methodological tradition; neo-realist methodological tradition; dialectical methodological tradition; liberalism; conservatism; council state.

УДК 130.2:81'371

В статье рассматривается метафизический страх (Angst) в качестве одного из важнейших эмоциональных концептов в концептосфере немецкой культуры. Особое внимание уделяется этимологии этого концепта и его интерпретации в экзистенциальной философии. Приводится характерное для немецкой философии разделение между метафизическим страхом (Angst) как неопределенной, ничем не мотивированной эмоцией, и реальным страхом (Furcht), причиной которого служит определенная ситуация угрозы.

Ключевые слова и фразы: концепт; концептосфера; картина мира; немецкая культура; экзистенциальная философия, экзистенциальный страх (Angst), реальный страх (Furcht).

Леся Владимировна Чеснокова

Кафедра философии

Омский государственный педагогический университет

L.Tchesnokova@mail.ru

КОНЦЕПТ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО СТРАХА (ANGST) В НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЕ®

Культура, будучи общечеловеческим феноменом, находит свое воплощение в национально-этнических формах. Если ядром отдельной культуры является национальное самосознание, менталитет народа, то свое выражение национальное самосознание находит, прежде всего, в национальном языке. Как отмечает Е. В. Василькова, язык фиксирует и хранит культурно-исторический «генетический код» народа. «Мир человека благодаря культурно-историческому бытию, явленному также чрез язык. Картина мира всегда культурно обусловлена. Опыт людей в разных культурах уникален, отношение к одним и тем же понятиям и вещам разное – к целям и смыслу существования, к способам взаимодействия друг с другом, к взаимосвязям между всеми процессами окружающего мира. Результаты осмысления окружающего мира фиксируются в матрицах языка, но эти матрицы не мертвы. Язык – это также и деятельность, через которую раскрываются духовные истоки человека – представителя того или иного этноса» [2, с. 188]. Поэтому исследование национальной языковой картины мира так же важно, как и изучение культуры определенного народа.

В культурной антропологии и философии культуры в качестве инструмента познания уже давно активно используются данные лингвистических наук. Картина мира, культурные стереотипы, система ценностей и мировоззрение каждого народа отражены в национальном языке. Культурно-философский подход рассматривает национальный язык и национальную картину мира как «дом бытия духа» (Хайдеггер) народа.

Базисной единицей описания национальной культуры является концепт (который Ю. С. Степанов определяет как микромодель культуры), порождающий ее и порождаемый ею. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – обычный, рядовой человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [9, с. 43]. Согласно определению С. Г. Воркачева, «концепт – это единица коллективного знания/сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [3, с. 70]. Представители воронежской научной школы – З. Д. Попова, И. А. Стернин и другие – рассматривают концепт как глобальную мыслительную единицу, представляющую собой «квант структурированного знания» [8, с. 4].

Исследование концептов является одним из важнейших направлений современного гуманитарного знания. Ю. С. Степанов утверждает, что количество концептов невелико, всего четыре-пять десятков, а между

тем сама духовная культура общества в значительной степени состоит из операций с этими концептами. В каждой культуре существуют ключевые концепты, в осмыслении и интерпретации которых раскрываются особенности мышления и менталитет того или иного народа. Обозначая главные понятия духовной культуры, эти слова сами являются ее элементами, формулируют ее и одновременно осмысливаются ею. Следовательно, концепты – это одновременно элементы культуры и ключи к ее пониманию. Благодаря анализу концептов мы познаем культуру народа. «Концепт национальной культуры, – отмечает В. П. Нерознак, – это знаменательный (сигнификативный) образ, отражающий фрагмент национальной картины мира, обобщенной в слове» [7, с. 37].

Совокупность концептов культуры составляет национальную концептосферу. Важной проблемой исследования менталитета народа и его национальной картины мира является проблема установления существующих в его концептосфере ключевых культурных концептов. Эта проблема носит междисциплинарный характер, так как она включает в себя не только лингвистические аспекты, но и аспекты философии культуры, культурной антропологии, этнопсихологии и этнографии.

В последнее время особую актуальность приобрело изучение эмоциональных культурных концептов (Е. Н. Белая, Е. В. Димитрова, Н. А. Красавский, В. И. Шаховский и др.). Н. А. Красавский определяет эмоциональный концепт как «этнически, культурно обусловленное сложное структурно-смысловое, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия образ, оценку и культурную ценность и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации однопорядковые предметы (в широком смысле слова), вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [4, с. 29]. Как и всякий другой, эмоциональный концепт обусловлен культурой, в которой он существует. Он зарождается и существует в определенных социально-исторических условиях того или иного народа. По мнению Е. Н. Белой, «онтология концепта эмоции требует специального анализа с опорой на понятия кодов культуры и других источников культурной интерпретации. Этот анализ выделяет особенности культурных предпочтений и доминант определенного языкового коллектива, особенно в сфере ассоциативных, образных интерпретаций концептов» [1, с. 18]. Актуальность изучения эмоций в современной гуманитаристике с точки зрения междисциплинарного подхода приобретает особую актуальность в свете доминирующего в настоящее время антропоцентрического направления в науке.

Объектом настоящего исследования является концепт метафизического страха в немецкой культуре. Тема страха является «культовой» для европейской культуры XX века и основополагающей для немецкой культуры. Как отмечают исследователи, этот термин невозможно точно перевести на другие языки, так как он является культурной лакуной (понятием, не имеющим точных соответствий в других языках), и его можно передать только описательными средствами. Как отмечает В. А. Маслова, «часто наличие лакуны в одном из языков объясняется не отсутствием соответствующего денотанта, а тем, что культуре как бы не важно такое различие» [6, с. 37], что позволяет делать выводы о специфике той или иной культуры. По мнению Ганса-Дитера Гельферта, «иностранные наблюдатели считают *Angst* настолько немецким чувством, что оно превратилось в нарицательное понятие» [15, S. 184] и без перевода дается, например, в английских словарях. Действительно, наряду с существующими в английском языке словами *fear* и *fright*, английские словари приводят и значение заимствованного немецкого слова «angst». Он толкуется как «беспокойство/тревога и страх, испытываемые при размышлении о печальных сторонах мира и человеческого существования» [20, p. 41] или как «беспокойство, чувство вины, греха или раскаяния» [21, p. 52].

Angst (метафизический страх) – центральный концепт немецкой культуры, содержание которого отражает специфику немецкой языковой картины мира. Этот концепт весьма приблизительно соответствует словам со значением *страх* в других языках, поскольку в концепте *ANGST* содержится нечто от состояния депрессии, тревоги, неприкрытости, незащищенности, неуверенности. Словари немецкого языка толкуют слово *Angst* как «состояние души, связанное с угнетенностью, подавленностью или волнением перед лицом какой-то опасности; неотчетливое ощущение угрозы» [13, S. 136], как «большую заботу, беспокойство, неопределенное, зачастую беспочвенное чувство угрозы» [22, S. 173] или же как «гнетущее, тревожное ощущение угрозы» [12, S. 90].

Страх как естественное избегание опасности свойственен всем без исключения культурам в качестве составной части человеческого бытия. Страх был свойственен не только древним людям, которые не могли защитить себя от окружающих опасностей, но и является постоянным спутником современного цивилизованного человека, освоившего с помощью техники окружающий мир и познавшего его причинно-следственные связи. По словам Верены Каст, страх, наряду с основными потребностями, является «одной из самых могущественных, если не основной движущей силой человеческого поведения вообще. Это архаическое, сидящее глубоко как в человеческой, так и в животной природе чувство, которое поставлено на службу выживания. В чувстве страхе находят свое отражение глубоко человеческие проблемы. Существует мало тем, которые были бы так же продуктивны для анализа человеческой ситуации, как страх» [19, S. 9]. Страх генетически существует в человеческой душе, и его переживание необходимо, поскольку он является формой защиты от существующих опасностей. Однако каждой культуре свойственен свой, особенный, «профиль» страха, определяемый целым комплексом культурно-исторических и психологических предпосылок.

Очень сложно найти точную дефиницию этого чувства. Мы никогда не сталкиваемся с целостным феноменом «страха», но постоянно испытываем множество его отдельных проявлений. Страх имеет множество

обличий. С помощью этого слова обозначается сразу нечто одновременно высокое и низкое, сложное и примитивное, далекое и близкое, определенное и неопределенное. Несмотря на огромное внимание, которое уделялось и уделяется исследованию страха, не существует единого мнения, что же он, собственно, такое. Отчасти это объясняется его характером, тем, что он является составной частью эмоциональной жизни, которую разум не в состоянии полностью осветить. С другой стороны, это происходит от того, что феномен, обозначаемый словом «страх», рассматривается с разных точек зрения: философской, психологической, религиозной, культурной, метафизической и эмпирической.

То, чем страх является для этноса, лучше всего нам может поведать сам язык. В возникновении и развитии этого слова находят свое отражение ощущения человека, которые вызывает в нем данное явление. Это тем более справедливо, если слово обозначает нечто такое, что человек испытывает в глубине своей сущности и чему он едва ли может подобрать слова. Как именовали народы это чувство угрозы, возникающее в темной глубине души, и как они преодолевали его с помощью языка? В каких формах и формулах они распознавали и изгоняли «невыразимый» и «безымянный» страх?

Как показывает Марио Вандрушка, немецкое слово *Angst* (страх-тоска) является заимствованным. «Древневерхнемецкое *angust* происходит от латинского *angustia* (теснота, стеснение). *Angustus* (тесный, стесненный, сжатый) происходит, в свою очередь, от *ango, anxi* (сдавливать, сжимать (горло), сжимать, давить (сердце)), что соответствует греческому *anxi* (давить, душить, пугать). Никакой другой звук, кроме гуттурального *ng*, не смог бы так точно передать чувство тесноты (и нельзя придумать лучшего названия для воспаления гортани, чем «ангина»). Его внутреннее родство с *angst*, но также и с лютеровским немецким *bang* (жутко), от *be-ange*, чувствуется в «сердечном страхе», страшащем поэтов» [24, S. 15]. Вероятно, происхождение этого слова связано с тем, что теснота вызывает страх, а страх, в свою очередь, вызывает чувство тесноты. Он дает телу сигнал, призывающий освободиться от удушающей тесноты, сдавленности. Этимологический словарь немецкого языка подтверждает связь слова *Angst* с ощущением тесноты, «сдавленностью, состоянием тесноты, стесненности» [16, S. 52]. Предположительно, как отмечает Н. А. Красавский, можно утверждать, что «лексема *Angst* на определенном этапе своего существования применялась и для номинации физиологического ощущения (реального сдавливания горла при восприятии определенных объектов), и для обозначения соответствующей отрицательной эмоции... Впоследствии на определенном этапе развития немецкого языка появляются два разных слова, два понятия, сегодня никак не связываемые современными наивными носителями языка, – *die Enge* (узость) и *die Angst* (страх)» [4, с. 129].

Современные индоевропейские языки также заимствовали это понятие из латинского слова *angustia*. Как показывает Марио Вандрушка, «так же, как и в немецком, *angustia* продолжает жить в итальянском как *angoscia*, в испанском как *congoja*, в португальском как *congosa* (*con* – приставка, усиливающая значение), во французском как *angoisse*, в английском как *anguish*» [24, S. 17]. В русском языке концепт страха-тоски также происходит из ощущения тесноты. Тоска связана с душевным состоянием смуты, одиночества и отчаяния. Она обозначает глубокую внутреннюю стесненность сознания, осознание нашей межмирности и неизбежной смерти. Итак, в страхе основным ощущением является чувство стесненности, ущемления, давящей тесноты, тесноты душевной. Этому душевно-телесному состоянию страх обязан названием.

Слово *Furcht*, обозначающее страх-боязнь, происходит от совершенно другого психологического чувства. «Холод страха вызывает похожие проявления, как и физической холод. В губных и зубных звуках различных слов, обозначающих страх, находит свое отражение рефлекс холода. Языковедение выводит слова, обозначающие страх, от индийских и персидских до славянских и балтийских языков к корням *bhai, bhi*» [Ibidem, S. 44]. В немецком *Beben* (дрожь) содержится то же произвольное движение губ, что и в русской боязни. Но намного чаще встречаются звуки *t* и *r*. Это немецкое *Zittern* (дрожь), *Verdattern*, латинское *terreo* (пугать), *terror* (страх), *tremo* (дрожать, бояться), французское *craindre* (бояться), испанское *estremecer* (испугаться), русское *тпенем*.

Однако, с точки зрения ученых, различие между *Angst* и *Furcht* в немецком языке искусственное, живой язык его не знает. «*Furcht*» для немцев был длительное время общим выражением для всякого страха, также для поднимающегося из глубины души «беспочвенного», не имеющего объекта страха. В новое время *Furcht* постепенно вытесняется словом «*Angst*». Но, как отмечает М. Вандрушка, «еще Ницше употребляет слово “*Furcht*”. Он считает *Furcht* основанием для жажды знаний, нравственности и достоинства, чести и добра. *Furcht* для него является матерью морали. Оно занимает в его творчестве то же место, что и *Angst* у Кьеркегора. С тех пор слово “*Furcht*” в разговорной речи употребляется все реже» [Ibidem, S. 62].

Слово *Angst* получает все большее распространение за счет *Furcht*. Особенно сильно на этот процесс повлияли два духовных течения прошлого века: психоанализ и экзистенциализм. В то время как *Angst*, как губка, впитывал в себя всю сферу значений психоанализа и экзистенциализма, *Furcht* употреблялся все реже. В начале этого процесса стоит произведение Кьеркегора «*Begrebet angst*» (по-датски) / «*Begriff Angst*» (по-немецки), «Концепт тоски» (Степанов), изданное в 1844 году. Кьеркегор называет этот страх «пропастью совести», «бесконечно ужасным страхом возможности греха» [5, с. 112], перед которым бледнеет любой *Furcht* какой-то конкретной угрозы. Это спекулятивное толкование *Angst* в отличие от *Furcht* пронизывает также и диалектическую теологию и экзистенциальную философию наших дней.

Для Хайдеггера *Angst* – это «основное чувство “бытия-в-мире”», а *Furcht* – не больше, чем «несобственный и, как таковой, скрытый *Angst*» [17, S. 189]. *Angst* в корне отличен от *Furcht*. «Мы страшимся всегда того, что угрожает нам в определенном смысле. *Angst* открывает Ничто» [18, S. 16]. Зигмунд Фрейд хотя и

соглашался с тем, что было бы более правильно обозначать объективный страх как «Furcht», но он сам предпочитал вообще не употреблять слово «Furcht» и вместо этого говорил о «Realangst» («реальном страхе»). Он противопоставлял его невротическому страху, который таится в человеческих инстинктах и в страхе человека перед своими инстинктами. Все психологические интуиции и психологические спекуляции о сущности *Angst* говорят о том, что чувство страха содержит в себе то, что мы можем извлечь из его звучания: чувство тесноты, сдавленности, стеснения.

Это разделение между метафизическим и реальным страхом проводится во всех исследованиях. Философские и теологические авторы (Кьеркегор, Хайдеггер, Тиллих) подчеркивают это основополагающее различие. *Angst* – это неопределенная, бессущностная, анонимная, немотивированная эмоция, а *Furcht* – определенная, направленная на какую-то угрожающую ситуацию. Но Марио Вандрушка полагает, что терминологическое различие между «Angst» и «Furcht» сомнительно. «Живой язык, язык народа и язык писателей, на каждом шагу противоречит подобному терминологическому разделению. Это различие опирается на искусственную терминологию. Оба слова употребляются, как правило, в одинаковом значении, у некоторых писателей даже в противоположном смысле, а именно *Furcht*, а не *Angst* как общий, неопределенный, ни на что не направленный страх. Еще у Ницше и некоторых других современных авторов *Furcht* – это всеобъемлющее чувство, которое поднимается из глубины человеческой души, в противоположность банальному *Angst*. Для Канта *Angst* был ступенькой по лестнице, ведущей к *Furcht*. Тревога, страх, ужас – все это степени *Furcht*, то есть чувства опасности, в то время как существующая сегодня литературно-научная тенденция определяет *Angst* как основной феномен, частным случаем которого являются другие слова, обозначающие страх, в том числе и «Furcht»» [24, S. 65]. С этим мнением согласны многие немецкие исследователи. По словам Йозефа Эндерса, «вопреки общепринятому словоупотреблению, многие ученые видят в *Angst* и *Furcht* два различных состояния. Но авторы не сходятся во мнениях, что же именно они обозначают. К тому же каждый автор предпочитает придерживаться собственной терминологии. Они говорят “Angst” там, где должно употребляться “Furcht”, и наоборот. При этом слово “Angst” более любимо и используется чаще, чем “Furcht”. К тому же оба слова, *Angst* и *Furcht*, используются для определения одного вида душевного состояния» [14, S. 7].

Особое значение метафизический страх приобретает в философии экзистенциализма. Можно даже предполагать, что экзистенциальная философия выросла из обращения к этой теме, интерес к которой был связан с тем, что, уже начиная с XVIII века, но особенно в XX веке в результате двух мировых войн вера в разум как основополагающий жизненный принцип была утрачена. Мир предстает чуждым и враждебным, а бездомность человека в нем становится темой философии.

Экзистенциализм обращается к конкретному человеку с его трагическим мироощущением, чувством одиночества и заброшенности в лишенный смысла мир, полный тоски и отчаяния. В центре внимания экзистенциальной философии оказывается пессимистическое мироощущение личности как носителя разорванного сознания, которому открылась абсурдность его существования как бытия-к-смерти, открывающая Ничто. Одним из важнейших понятий экзистенциальной философии становится страх. Мир тем страшней для человека, что в нем нет смысла, он не поддается рациональному осмыслению. Однако страх – это не только негативная эмоция, он одновременно являет собой возможность обретения трансцендентного измерения, встречи с Богом (для религиозного экзистенциализма) или свидетельство «смерти Бога», обесмысливающей бытие (для атеистического экзистенциализма). Метафизический страх уничтожает все конечное, обыденное, обнажает смысл человеческого бытия. Философия экзистенциализма, прежде всего, различила два феномена: ситуативный страх-боязнь (*Furcht*) и экзистенциальный страх-тревогу, страх-ужас, страх-тоску (*Angst*). В отличие от множества конкретных ситуативных страхов, страх-ужас – фундаментальное экзистенциальное переживание. Он – не просто боязнь мира, он – его своеобразное открытие, разверзание, верный знак того, что ты добрался до сути.

То особое место, которое понятие «Angst» (а не «Furcht») занимает в немецкой философии, показывает, что концепт, закодированный в слове *Angst*, играет исключительно важную роль в немецкой культуре в целом. Вероятно, такая подробная разработанность данного понятия именно немецкой философией и немецким языком связана, прежде всего, с тем, что немецкая культура отличается повышенным страхом перед хаосом, стремлением максимально упорядочить все сферы жизни. Для немцев уверенность в будущем и связанное с этим чувство защищенности являются наиболее значимыми культурными ценностями. Известный польский лингвист А. Вежицкая, описывая слово «Angst» как одно из ключевых понятий немецкой культуры, упоминает в связи с ним слово *Sicherheit*, означающее «полную УВЕРЕННОСТЬ в том, что ничего плохого не МОЖЕТ произойти (в этом смысле оно создает большее чувство защищенности, нежели, скажем, английское *safety*, просто обещающее, что ничего плохого не произойдет, и даже *security*, обещающее сверх того, что ничего плохого и не МОЖЕТ произойти), слово *Geborgenheit*, обозначающее чувство своего рода экзистенциальной защищенности, а также дискурсивные слова, широко употребляемые в разговорной речи и не имеющие точных эквивалентов в других европейских языках: *bestimmt*, *genau*, *klar* и *Bescheid*» [Цит. по: 11, с. 445-446]. Напротив того, неуверенность и незнание того, что произойдет в будущем, вызывают у немцев значительно больший страх, нежели подлинная опасность.

Особенно разительно отличие в этом пункте картины мира, представленной в немецком языке, от русской картины мира. Глубокая проработанность темы страха в немецкой культуре свидетельствует о значимости культурного концепта безопасности, защищенности (*Sicherheit*). Русский менталитет гораздо лучше приспособлен к выживанию в состоянии неопределенности, чем немецкий. Характерно то, что слово *Angst*

невозможно точно перевести на русский язык. По мнению Е. Е. Стефанского, у нас нет лексического средства для описания метафизического страха, источник которого неизвестен и непонятен для людей. Как отмечает Е. Е. Стефанский, в русском языке употребляются обычно слова «испуг», «боязнь», «тревога». Но ни одно из них прямо и однозначно не обозначает иррационального страха. Таким иррациональным маркером в русском языке оказывается не лексическое, а грамматическое средство. Употребление слова «страх» во множественном числе «однозначно маркирует экзистенциальный вид страха, причем чаще всего в его болезненной, фобической, форме» [10, с. 175].

Здесь прослеживается радикальное отличие немецкой и русской культур. Последняя настолько терпимее относится к ситуации неопределенности, что в ней даже выработалось особое, неперебиваемое на другие языки, слово – «авось». Как отмечает А. Д. Шмелев, «установка на беспечность, выраженная в слове авось, вытекает из того соображения, что, поскольку всего все равно не предусмотреть, нет никакого смысла в том, чтобы пытаться как-то защититься от возможных неприятностей – лучше просто надеяться на благоприятный исход событий. Сталкиваясь с необходимостью действовать, носитель такой установки часто действует наобум, наугад, надеясь на то, что из “авось”, из этого само собою выйдет что-то хорошее» [11, с. 445]. По-видимому, эта установка является важным элементом русской языковой картины мира, отличающим ее от картин мира, представленных в ряде западноевропейских языков, и в частности в немецком языке.

Список литературы

1. **Белая Е. Н.** Концептуализация базовых эмоций человека (на материале русского и французского языков). Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. 200 с.
2. **Василькова Е. В.** К вопросу об изучении русской языковой картины мира // Концепт и культура: материалы II Международной научной конференции (Кемерово, 30-31 марта 2006 г.). Прокопьевск: Полиграф-Центр, 2006. С. 188-191.
3. **Воркачев С. Г.** Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-71.
4. **Красавский Н. А.** Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
5. **Кьеркегор С.** Страх и трепет. Понятие страха. Болезнь и смерть. М.: Республика, 1993. 383 с.
6. **Маслова В. А.** Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
7. **Нерознак В. П.** От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и преподавания иностранных языков: межвузовский сборник научных трудов. Омск, 1998. С. 36-44.
8. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999. 384 с.
9. **Степанов Ю. С.** Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
10. **Стефанский Е. Е.** Культурные сценарии реализации эмоциональных концептов в художественном дискурсе // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2007. № 1. С. 172-182.
11. **Шмелев А. Д.** Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (на всякий случай, если что, вдруг) // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 512-544.
12. **Duden das Bedeutungswörterbuch.** 3., neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim: Dudenverlag, 2002. Bd. 3.
13. **Duden - Deutsches Universalwörterbuch.** 4. Aufl. Mannheim: Dudenverlag, 2001.
14. **Endres J.** Angst und Langweile. Frankfurt a. M., 1983.
15. **Etymologisches Wörterbuch des Deutschen** / hrsg. von Wolfgang Pfeifer. Berlin: Akademie-Verlag, 1989. Bd. 1.
16. **Gelfert H.** Was ist deutsch? Wie die Deutschen wurden, was sie sind. München, 2005.
17. **Heidegger M.** Sein und Zeit. Tübingen, 1963.
18. **Heidegger M.** Was ist Metaphysik? Frankfurt a. M., 1960.
19. **Kast V.** Vom Sinn der Angst. Wien, 2000.
20. **Longman Dictionary of English Language and Culture.** Edinburg: Longman, 1998.
21. **The Oxford English Reference Dictionary.** Oxford: Oxford University Press, 1996.
22. **Wahrig Deutsches Wörterbuch** / hrsg. von Renate Wahrig-Burfeind. Gütersloh – Bertelsmann, 2001.
23. **Wahrig Synonymwörterbuch.** Gütersloh – München: Wissen Media, 2002.
24. **Wandruszka M.** Angst und Mut. Stuttgart, 1981.

METAPHYSICAL FEAR CONCEPT (ANGST) IN GERMAN CULTURE

Lesya Vladimirovna Chesnokova

Department of Philosophy

Omsk State Pedagogical University

L.Tchesnokova@mail.ru

The author considers metaphysical fear (Angst) as one of the most important emotional concepts in the German culture conceptual sphere, pays special attention to this concept etymology and its interpretation in existential philosophy, presents the differentiation between metaphysical fear (Angst) as an indefinite and non-motivated emotion and real fear (Furcht), which reason is a definite threatening situation characteristic of the German philosophy.

Key words and phrases: concept; conceptual sphere; world picture; German culture; existential philosophy; existential fear (Angst); real fear (Furcht).